

Геномы и археологические культуры в новой статье команды Райха

[Лев Клейн](#)

1. В новой статье Райха и его команды, с одной стороны, поражает новизна добытой информации и ее важность для решения проблем этногенеза, эволюции и многих других. С другой стороны, читать эту статью археологу очень трудно, а как-то соизмерять с археологическими данными почти невозможно. Значительная часть данных аттестована как в конце XIX века: ранний неолит Венгрии, центральноевропейский поздний неолит, и т. п. В том и другом масса культур разного происхождения. В раннем неолите Венгрии это культуры кёрёш, мехтелек, сатмар, алфёльд (подразделение линейно-ленточной керамики). В центральноевропейском позднем неолите это различные культуры шнуровой керамики, колоколовидных кубков, культура шаровидных амфор, маршвицкая и др. Так же обстоит дело со скифами – это название распространено на очень пестрый набор культур железного века, кочевых и оседлых. А хотелось бы знать, о какой конкретной культуре идет речь.

Когда речь заходит об этногенезе (а с анализами ДНК исследователи выходят именно на этногенез), мы имеем дело только с культурами, а не со стадиями развития техники, к тому же определяемыми по-разному в разных школах. Поэтому для археологов многие геномные определения в такой подаче — пустые слова, не имеющие реального содержания. Для нас содержательны только те данные, которые приурочены к археологическим культурам: ямной, срубной, полтавкинской, синташтинской, новосвободненской. Тогда мы можем как-то связывать эти данные с гипотезами о происхождении каждой культуры (обычно их всегда несколько). К сожалению, таких данных мало. Привязка к стадиям техники (неолит, бронзовый век и т. д.) для нас в этногенетических исследованиях неинформативна.

Дело в том, что на Западе очень распространено было поветрие конструктивизма, провозглашавшее, что все наши категории — типы, культуры — лишь фикции, созданы конкретными исследователями для своих надобностей, а реальны только стадии техники и конкретные памятники. Если уж на то пошло, то и стадии техники точно так же очерчены исследователями, как культуры (некоторые исследователи и их отвергали). Расплывчатость или шаткость границ культур и других объектов не аннулирует их реальность. Она подтверждается и корреляцией признаков. Но поветрие не прошло, а воздействие его длится дольше его самого. У нас это поветрие чувствуется больше в этнографии (Тишков).

Я думаю, что археологи, с которыми сотрудничают генетики команды Райха, да и Кристиансена – Виллемслева должны были бы помочь генетикам осознать эту особенность археологии. Но именно археологические советники Райха и Виллемслева оказались сами не вполне готовы к должному оформлению геномных данных. Основным археологом команды Райха оказался Дэвид Энтони, талантливый человек, но не археолог по образованию. Он по первоначальным своим интересам палеобиолог, специалист по изучению одомашнивания лошадей. С основным археологом второй команды, Кристиансеном, иная картина. Он безусловно отличный археолог, но видимо слишком глубоко и надолго ушедший в экологические интересы и в проблемы эволюции и обобщающей интерпретации материалов. Это его оторвало от привязки к этническим особенностям культур. В обстановке общей тенденции к игнорированию археологических культур оба, и Энтони и Кристиансен, с охотой восприняли заведомое (исходное) обобщение данных, тогда как осторожность диктует сначала проверить геномами происхождение носителей каждой культуры особо, а уж потом обобщать. Если элементы окажутся схожими, то в любом случае нет ошибки. Зато если окажутся разными, то преждевременное обобщение смешает всё в кашу.

Оба они изначально, до прибегания к генетической аргументации, были сторонниками степной гипотезы происхождения индоевропейцев, и это побуждало их с готовностью принимать чохом (обобщенно) геномные данные, если они повышают вероятность степной гипотезы.

Прочие археологи каждой команды, по-видимому, не участвовали (или почти не участвовали) в решении общих проблем, а лишь поставляли своей команде материалы и археологические данные о них (определения, датировки).

Мои недоумения относятся и к генетикам и к археологам, только не к тем археологам, чьи справки приведены, — так сказать к рядовым этой команды, — а к ведущим археологам каждой группы, к стратегам. Это с их ведома все эти определения культур убраны на задний план, где их нужно выковыривать, а в тексте фигурируют всё равно стадии развития техники — неолит, бронзовый век и т. д. То есть исходно запущены обобщения, до разбора деталей.

2. Хотелось бы поставить под сомнение и один частный вопрос, но достаточно важный, коль скоро он касается культуры, ставшей первоплановой после статей Райха с командой и Кристиансена – Виллемслева с соавторами. Это ямная культура стала первоплановой. И в статье команды Райха и в статье Кристиансена – Виллемслева выдвигается идея о ее южных корнях, о миграции из Армении. В нынешней статье команды Райха это объясняется тем, что в геномном составе ямной культуры имеется компонент, присутствующий в геномном пуле *современных* армян. Это трактуется в том плане, что из Армении происходят какие-то предки ямной культуры. При этом игнорируется тот факт, что этот компонент не находит ничего близкого ни в Анатолии, ни на Ближнем Востоке. Ни, насколько я понимаю, в самой Армении (скажем, в геномах урартийцев).

На мой взгляд, авторы этой трактовки не учитывают, что армяне – индоевропейцы. Как устанавливает И. М. Дьяконов (1968), этот индоевропейский компонент принесли в Закавказье фригийцы, они же бриги, они же мушки (библейский народ мешех). Это было ок. 1200 г. до н. э. Геродот (VII, 73) донес до нас предание, что фригийцы переселились в Малую Азию с Балканского полуострова, где они назывались бригами. Но археологи хорошо знают, что задолго до того, в III тыс. до н. э., значительная часть Балканского полуострова была захвачена ямной культурой. То есть ямный компонент должен был войти в состав фригийцев, переселившихся в Малую Азию и вошедших в состав армянского народа. Значит, не армяне стали предками ямного населения, а носители ямной культуры стали через бригов-фригийцев одним из предков армянского народа.

Против констатации генетиков, что ямная культура близко родственна полтавкинской и афанасьевской, ни один археолог возражать не станет. Для меня было бы чрезвычайно интересно узнать, как обстоит дело с катакомбными культурами. Они, с одной стороны, резко отличаются от ямной, а на Донце даже схожи с культурой шнуровой керамики, а с другой, обладают и преемственностью от ямной.

Для ямной культуры основной вопрос – связана ли она с протоиндоевропейским языком или всего лишь с протоарийским (индоиранским). Если ее вклад действительно столь силен в культурах шнуровой керамики, то это аргумент на чашу весов в пользу протоиндоевропейского языка, но III до н. э. — не слишком ли поздно? А если это некий дочерний индоевропейский, то какой? Не протоарийский же (он не предковый для европейских). Если же ее признать связанной с протоарийским языком (как это и делали многие археологи), то разделение на индоарийский и иранский должно было произойти не гораздо ли раньше предполагавшегося времени (а предполагалось оно во II тыс., возможно, в его первой половине)? Впрочем, разделение языков обычно сильно запаздывает по сравнению с разделением народов.

3. Как истый гуманитарий по своему образованию и опыту я откровенно признаю, что не понимаю некоторых решений моих коллег из естественных наук – вполне вероятно, именно по недостатку моего образования. Но я решаюсь высказать это хотя бы потому, что подобные сомнения могут придти в голову и другим гуманитариям.

В частности, я не могу понять той уверенности, с которой они реконструируют состав предков по методике Admixture. Несмотря на очень хорошие разъяснения, данные на сайте http://генофонд.рф/?page_id=4028, сомнения остаются.

Давайте рассмотрим такой воображаемый пример. Одна популяция имеет в своем составе 5 % компонента А, 50 % компонента Б и 45 % компонента В. Другая популяция имеет 95 % компонента А, 3% компонента Б и 2% компонента В. Они сугубо различны по составу. Допустим, что они равновелики. При смешении они дадут (при прочих равных) популяцию, в которой половину займет компонент А, а вторая половина разделится почти пополам компонентами Б (чуть больше) и В (чуть меньше).

Как нам теперь реконструировать две предковых популяции, имея только результат смешения и отдельные изолированные измерения вокруг? Как нам вообще выяснить, что этих предковых популяций было две? Мы ведь начинаем рассуждать о том, что наша (смешанная) популяция состоит из *трех* корневых предковых компонентов, восходит к *трем* корням. Что половину

ее обеспечил предок А, а вторую половину – почти поровну предки Б и В. Вероятно, это верно в очень далекой перспективе, в глубине тысячелетий, через многие пертурбации. А непосредственные предки ее имели совершенно другой облик: их было *два*, и один состоял почти целиком из компонента А, а другой — из предков Б и В в смешении. При разной величине предковых популяций и дополнительных факторах, воздействующих при смешивании, задача еще усложняется, но математически она решается. А вот в принципе решается ли при таком скудном обеспечении данными?

Мне могут возразить, что в реальности исследователи имеют в своем распоряжении не один блок данных, а несколько – ямную культуру, культуры шнуровой керамики, современных армян и т. д. Да, но все они смешанные, и это островки в море неизвестности, вокруг всё еще огромные белые пятна.

Разумеется, мои сомнения не должны восприниматься как возражения против применяемой методики или, того более, против самих выводов. Это всего лишь призыв к осторожности, к воздержанию от чрезмерной уверенности, когда еще так много пока непреодоленных противоречий.